

Сначала Остап Бендер написал стихотворение Пушкина (просто «классик опередил»), а потом, не претендуя на авторство, стал блистательно читать его поэмы. «Онегина» («Сон Татьяны») или «Графа Нулина», например: Наталья Павловна (томно) раздета, Стоит (пауза) ПАРАША перед ней... (И далее — торжествующе, чтобы чего не подумали, объяснение) Друзья мои, Параша — это Наперсница ее затыл...

Такое прочтение Пушкина смущало консерваторов. А тогдашние либералы (и я в том числе) радовались: да! именно так написал Пушкин, именно на этом играл, он же родился не печальным опекуниным памятником, а очень даже живым и озорным мальчишкой!

В общем, великолепный Остап своим ироничным и тонким, не побоюсь этого слова, литературоведческим прочтением сумел стряхнуть с Александра Сергеевича затхлую академическую пыль. Это

было здорово и по тем временам совершенно неожиданно. Из ряда вон.

Не хуже он читал и Зощенко, но тут как-то понятней: все-таки отцы Бендера очень многим были обязаны именно Михайлу Михайловичу...

Да, почти так я тогда, в начале семидесятых, это и воспринимал: Бендер интерпретирует Пушкина, Бендер читает Зощенко или Пастернака. А все потому, что впервые и, по-моему, убедительнее всех в образе Великого комбинатора на экране предстал Сергей Юрский. В черно-белом «Золотом теленке».

Для мальчишек 60—70-х Бендер был любимым литературным героем, а увидеть его на экране казалось счастьем. И уж такая судьба хороших актеров: публика подолгу не отделяет их от созданного образа. Пока они не сыграют другого, совсем не похожего и не менее яркого героя.

Юрский в Бендерах надолго не задержался. Вспомните хотя бы «Место встречи изменить нельзя» или «Любовь и голуби». Неужели в роли «староре-

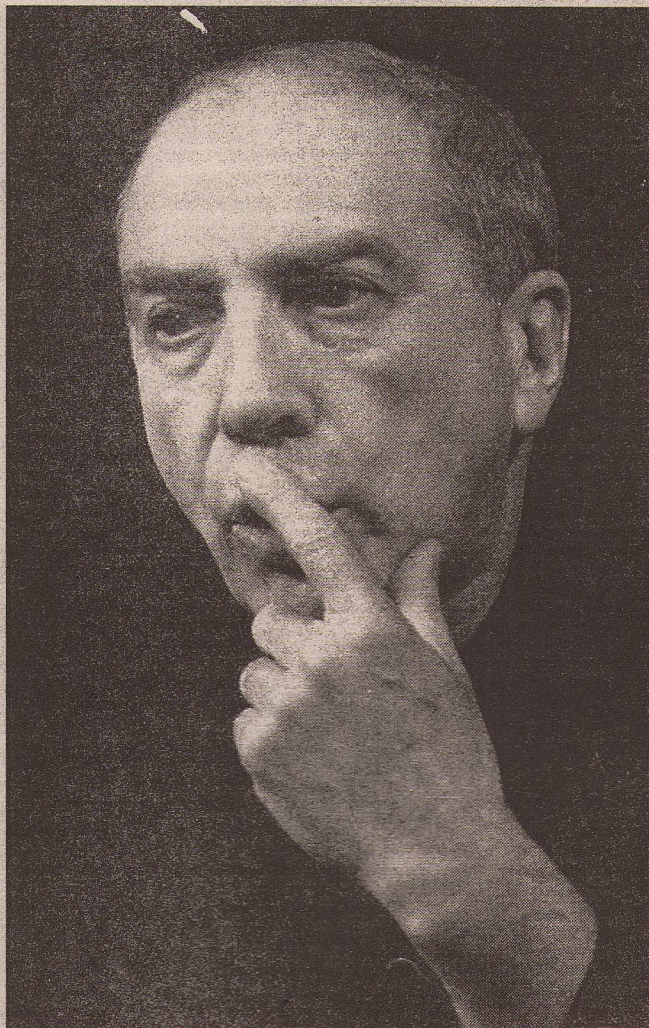
жимного» инженера и современного деревенского забудды один и тот же актер?

А те, кому посчастливилось видеть Юрского в товстоноговском БДТ, сколько они могут вспомнить! Впрочем, те, кому не посчастливилось, имеют — уже много лет — шанс утратить нос сидящим дома питейцам. Для этого достаточно регулярно посещать Театр Моссовета, а сейчас еще и Театр-студию современной пьесы на Трубной. Там в «Стулях» Ионеско Юрский замечательно играет старика и выступает в качестве режиссера-постановщика этого прекрасного спектакля.

А кроме того, он пишет. Причем не мемуары, которые сейчас считают своим долгом сочинять почти все персоны истеблишмента, а «настоящие» рассказы, эссе, стихи.

Попробуйте представить, что все это вы слышите в авторском исполнении, легко микширующем любые возможные несовершенства.

Итак, слово — Юрскому

Сергей Юрский

Отец родился и окончил гимназию в городе Стародубе Черниговской губернии... Он был из духовного сословия, и настоящая его фамилия была Жихарев... Он старался забыть и то и другое, скрывал это даже от меня... Время было такое... Фамилией своей он сделал театральный псевдоним — Юрский... Юрий Сергеевич Юрский рано ушел из жизни... Почти ничего я не знаю о деде, бабушке... С моими двоюродными братьями — Юрой и Гарри Кулишевыми — мы пытались искать прошлое семьи, наши корни, но не нашли... Мы люди без корней...

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ВЕЧЕРЕ

Михаил КОЗАКОВ:

Считается, что каждый человек может написать за жизнь одну книгу. Увы, это далеко не всегда так. А вот Юрский, правда, человек, имеющий право писать. Самый убедительный пример — его пьеса «Интервью». Я давно мечтаю поставить ее на ТВ. Думаю, пока это лучшее, что он написал...

Читал его книгу «Кто держит паузу». Она достаточно закрытая, но, может быть, это следствие того времени, дань цензуре. Поэтому с нетерпением жду его открытой книги. Прямо по Каверину — «Открытой книги», какую тот смог написать в конце жизни.

Пока, по-моему, то, что Юрский говорит, и то, как читает, ярче того, что пишет. Но он хорошо мыслит. И пьеса «Интервью» убеждает, что от Юрского есть чего ждать и на бумаге. Он не просто один из многих «пишущих» актеров.

Сергей НИКИТИН:

Он мне очень интересен как человек и как художник. И очень близок. Кстати, он исполняет много стихов, на которые я сочинил музыку. А ведь и то, и другое — это, в общем, интерпретация.

К сожалению, никогда не читал его собственных текстов — только слышал. А слушать — его всегда интересно. И, естественно, тогда когда он читает свое.

Алексей ГЕРМАН:

Мы с ним учились вместе в театральном институте — он был на курс старше. Делали вместе отрывок из «Обыкновенного чуда» Шварца. По-моему, он замечательно исполнил роль короля. Вообще Юрский был тогда совершенно чистый и прекрасный молодой человек, больше похожий на филолога, чем на актера.

Это — счастливая для меня работа. Режиссер я тогда был никакой и впервые столкнулся с артистом, от которого многое получил. Но перед этим случилась такая история. Юрский одновременно играл ролей пятнадцать — повсюду, по-моему, даже в опере — и постоянно опаздывал на репетиции. Известный режиссер Аркадий Кац сказал мне, что я тряпка и должен поступить как режиссер и мужчина (было нам тогда с Сергеем лет по 18). И я написал громогласный приказ, что выгоняю Юрского и вывесил его в институте. Взял на роль короля другого — внешне очень забавного, но, оказалось, совершенно неталантливого. В общем, пришлось мне перед Юрским извиняться и уговаривать его вернуться. Он проявил милосердие...

А еще я первый ему сказал — году в 1976-м — 1977-м, — что его запрещено снимать. За что-то его ненавидел Романов: кажется, после того как Юрский подписал письмо в защиту какого-то шахматиста. Сергей очень расстроился, все повторял: «Ну как же так?! Почему они мне самому об этом не говорят?» А «они» не считали нужным — просто известные режиссеры: «Юрского не снимать!» Помню, Динара Асанова вставила в материал своего фильма эпизод не по сценарию, где Юрский читает Пушкина на Мойке в день смерти поэта. Был большой скандал...

А самый интересный период Юрского — когда он работал у Товстоногова...

Динозавры
приходят
и уходят, а

ЮРСКИЙ

ПЕРИОД
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

...Нас к экрану допустили,
Нас увидит весь народ,
Мы в большом порядке...

или...

или все наоборот:

Мы подвижные подонки,
Мы молекулы распада
И культуры слоем тонким
Прикрываем сущность гада.

Как удобно — точно знать:
Мы в плену у обстоятельств,
Нами управляет знать,
Мы живем за счет приятельств.

Мы улыбочиво сворой
Окружаем пышный стол.
Нашей сварой, нашей ссорой
Забавляется престол...

(из «Балаганных частушек»).

Публисите

(реклама)

Нас было восемь.

Мы ждали крови. Так ждали, что жаждали.

Перед нами была солнечная жизнь.

Отцы шутили с сыновьями. Матери звали семью к столу. Новые машины подкатывали к новым домам. Сверкали здоровые зубы и вымытые волосы. Жарилась ослепительная яичница с хрустящим беконом, желтый корн-флекс осыпался в молоко — белое, как стены офиса, куда вошла блондинка, смеясь, с шоколадом во рту, коричневым, как тело малайца, прыгнувшего с утеса и медленно летевшего в море цвета последней модели «Хонды».

Но наши глаза голодали — мы ждали крови и знали, что она будет, будет.

Будут бить и пытать, рвать губы руками, совать людей в шестеренки и стрелять, стрелять, стрелять, ломая кости, взрывая машины, глаза, отрывая головы, визжа, оставляя страшные полосы на шее.

Мы знали, мы ждали, мы деньги платили.

Это мы их наняли, чтобы они... на наших глазах...

Нас было восемь.

И, хотя мы не чувствовали локоть друг друга, мы знали — все мы, восемь, здесь, затаились в темноте.

Вот девушка, хохоча, запросто стирает пятна с такой синей-синей юбки. Это последнее.

Мы другое купили.

Совсем стемнело...

И тогда...

Начался фильм.

Нас было восемь в зале маленького кинотеатра.

...Только об этом и стоит говорить: бессмертие или воскресение. Вот вопрос. Вот выбор. Бесконечно быть или принять великую муку и великий страх, пройти через них и... тогда уже бесконечно быть. Бессмертие или воскресение? Третьего не дано.

Но дано как раз третье — жизнь. Долгий путь к исчезновению. С бесчисленными попытками зацепиться, остаться или хоть что-то оставить после себя. Люди хотят запомниться друг другу. Но их так много, людей, что это утомляет.

Очень смешно, когда двое, уже немалых, едва познакомились, вываливают друг на друга свои слабые козыри — заметь меня, запомни! Но второй-то, второй — с такой же мольбой — заметь меня, запомни! И, накричавшись, глухие, ничего не запомнившие, расходятся в отчаянии.

И в конце, в самом конце... вспоминается только кусок окна, занавеска, женское лицо... жест прощания... и пыльная бугристая дорога... а вдалеке лес... там хорошо дышится.

Театральный разезд

Аз. Не зря говорят: талантливый человек талантлив во всем...

Бука. Но неужели все-таки актерам не хватает их профессии для самореализации? Почему они начинают повально писать? Рецензент, Филатов, Быков, Варлей — стихи. Золотухин, Приемыхов, Гурченко, Малавина — прозу. А Юрский вообще и то, и другое...

Аз. Чего ж непонятного? Все-таки актеры — только исполнители. Наверное, с годами желание не зависит ни от автора, ни от режиссера становится непреодолимым.

Бука. Но тот же Юрский давно и успешно ставит спектакли...

Аз. А русская культура литературоцентрична. И если, пребывая в ней, не выразишь что-то словами, значит, не можешь претендовать на место в центре культуры...

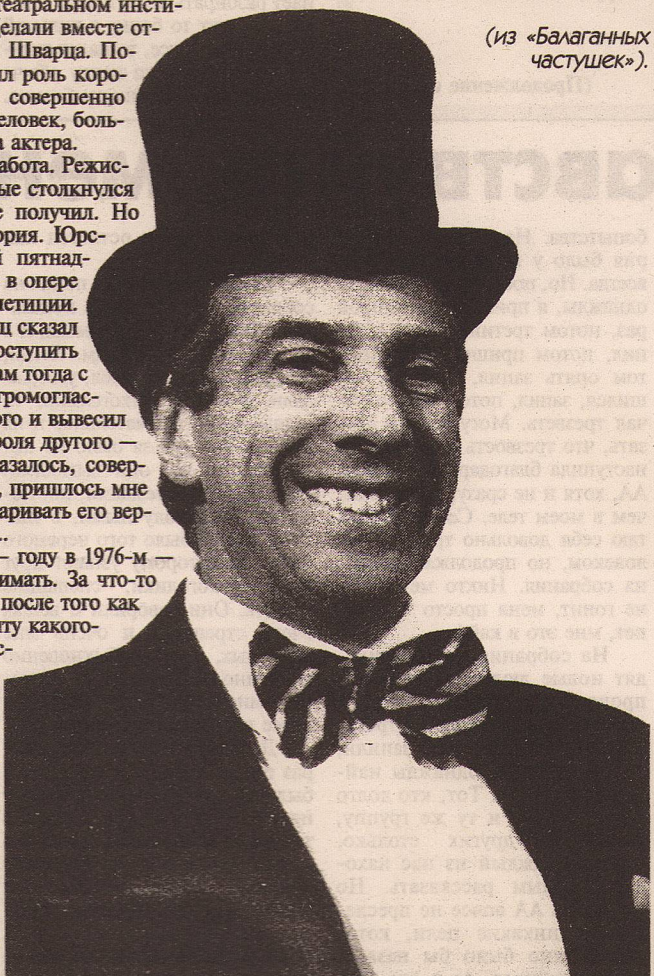
Бука. Вот это, по-моему, любопытно...

Аз. Но Юрский-то пишет не из желания быть в центре и не из тщеславия — просто хочет что-то сказать, чего другие не сказали, и соответственно прочитать то, о чем другие не написали. Почему бы ему не сыграть роль писателя? Вдруг получится? В общем-то это его первые пробы...

Бука. И все-таки я больше люблю, когда он читает Пушкина или Зощенко, а не себя...

Аз. Бедный Юрский! Он обречен на такие сравнения, которых не выдержит ни один из современных писателей.

Бука. Верно. Хотя он сам поставил себя в такое положение, когда то, что пишет, хочется сравнивать с тем, что еще обычно читает на своих концертах. И читает великолепно!

Юрский Сергей

24.04.97